

удалось показать, что традиционное музыкальное произведение — это единство музыки, смыслового значения, танца и социального контекста, причем все это следует изучать в едином комплексе.

На последнем заседании симпозиума между его участниками развернулась широкая дискуссия, выявившая ряд ключевых проблем, заслуживающих дальнейшего изучения. Это — особенности формирования неравенства и классовообразования в Океании, роль обмена в такого рода процессах, вариативность исторического развития в разных районах Океании и, в частности, причины социально-культурных отличий меланезийских обществ от полинезийских. Подчеркивалась необходимость уделять больше внимания изучению материальной культуры, рассматриваемой в широком социальном контексте. Было высказано соображение о необходимости провести специальный симпозиум, посвященный этногенезу и этнической истории австронезийцев.

Хотелось бы, чтобы диалог между советскими и зарубежными специалистами по проблемам этнографии Океании, столь успешно проведенный в Хельсинки, получил достойное продолжение в будущем.

В. А. Шнирельман

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В сентябре 1986 года в соответствии с планом научных работ Львовского государственного института прикладного и декоративного искусства мной была проведена повторная экспедиция в традиционные гончарные центры Барского района Винницкой области Украинской ССР¹.

Наиболее подробно был обследован известный в прошлом гончарный центр Восточной Подолии село Лисовое (сельсовет Лисовое).

К числу задач экспедиции относились выявление, сбор и фиксация памятников традиционного народного искусства, сохранившихся в обиходе жителей, а также выяснение современного состояния гончарного промысла. Основное внимание было, естественно, уделено сбору материалов местного гончарства, характеризующих состояние промысла с 30-х по 70-е годы текущего столетия. Обнаруженные предметы свидетельствуют о стойком сохранении местной гончарной традиции. Среди них — большой кухонный кувшин для приготовления пищи (*горнець*), малый кувшин (*горщик*) того же назначения, фрагменты, дающие представление о форме среднего кувшина (*горнець*), уплощенный с двух сторон кувшин для воды (*банька*). Его плотно закрывали деревянной крышкой, подвязывали за горловину веревкой и забрасывали за плечо. Двусторонняя уплощенность кувшина способствовала удобству доставки в нем воды работающим в поле крестьянам. Все вышеперечисленные изделия черного цвета, без

глазури и декора. Найден также терракотовый кувшин для молока конической формы с ручкой красно-оранжевого цвета, расписанный посередине опоясывающими прямыми и волнистой линиями, а ниже — рядом коротких наискось прорисованных линий, выполненных коричневым ангобом. Местное название этого кувшина *рынка*.

Подобные изделия производились в прошлом в некоторых гончарных центрах Подолии и широко использовались местным населением. То же следует сказать и о приобретенных в ходе экспедиции полумиске и миске, расписанных подглазурной *рождкованной* и *фляндрованной* росписью. Формы изделий, главным образом, шарообразные, приземистые, в средней части выпуклые. Встречаются и конические формы, но в большинстве случаев с плавным переходом деталей друг в друга. Среди растительных и геометрических элементов орнамента преобладают геометрические, выполненные преимущественно рожкованием, реже фляндрованием. Роспись кувшинов и горшков относится преимущественно к горизонтальному типу орнаментально-декоративного построения. Богатую разновидность ее находим в концентрических типах композиций на мисках и полумисках.

На цветную и черно-белую пленку сняты характерные произведения местного народного зодчества, писанки, керамические изделия. Среди последних особый интерес представляют принадлежащие местной жительнице Е. А. Корсун керамические изделия различного бытового назначения (изготовлены в 30 и 50-е годы местными гончарами Н. Гонтарем и

¹ Информацию о первой экспедиции см. Сов. этнография. 1974. № 5. С. 167.

А. Мельником). В их числе — горшки, кувшины всевозможного назначения, *макитры* (большие миски), подвазонники, дуршлаги, *горшочки-двойшки*, или *горшочки-спарыши*, используемые для доставки горячей пищи.

В настоящее время гончарное дело в селе полностью угасло. Немногие оставшиеся в живых пожилые мастера физически неспособны продолжать ремесло. Молодежь, к сожалению, не наследует традиционного промысла. Таким образом, за время, прошедшее с прошлой экспедиции (1973 г.), этот гончарный центр прекратил свое существование. Представляется необходимым принять срочные меры к его возрождению, тем более, что необходимость в гончарной посуде в местном быту, несомненно, сохраняется.

В процессе экспедиции собраны дополнительные сведения о работавших здесь гончарах, которые до Великой Отечественной войны пасчитывалось в селе свыше 60 человек.

К числу наиболее ярких мастеров керамической росписи с Лисовое старожилы относят М. М. Гонтара (1895—1981 гг.), Н. М. Гонтара (1902 г.), И. Н. Корсуна (1904 г.), И. Т. Корсуна (1909—1981 гг.), А. Литвинюка (1893 г.), Д. Л. Лукашенко (1893—1976 гг.), Ф. С. Любунь (1914 г.) и др.

Материалы экспедиции находятся в стадии обработки.

В. А. Гудак

* * *

В соответствии с учебным планом педагогических институтов работа по сбору устного народного творчества организуется в них как фольклорная практика. В апреле — мае 1986 года такую практику прошли 23 студента филологического факультета Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького (руководитель — Л. В. Новоселова). 12 из них записывали фольклор в Омске, остальные в различных населенных пунктах Новосибирской (г. Барабинск и с. Шубинское Барабинского района) и Омской (с. Увало-Ядрино Любинского района, пос. Марьяновка Марьяновского, с. Моховой Привал Муромцевского; д. Андреевка Омского района, с. Побочино Одесского, совхоз «Цветочный» Русско-Полянского, с. Южное Таврического, с. Соляное Черлакского с. Александровка Шербакульского района) областей.

Записи сделаны от 129 исполнителей: 38 взрослых и 91 ребенка. Среди взрос-

лых — трое мужчин и 35 женщин; одна немка, остальные русские. Возрастной состав информаторов от 18 до 29 лет — 12 чел., от 30 до 49 — 3, от 50 до 59 — 10, от 60 до 69 — 5, от 70 до 79 — 6, от 80 до 83 — 2 человека.

Среди детей — 41 мальчик и 50 девочек; по национальному составу — 2 казаха, 7 немцев, 1 татарка, 3 украинца, остальные русские. 5 дошкольников, 86 школьников: от 7 до 10 лет — 52 чел., от 11 до 13 — 30, от 13 до 16 — 4 чел. Самым младшим исполнителям по 5 лет, старшей песеннице — 83 года.

Всего студентами собрано 5031 произведение устного народного творчества.

Эпических текста 73: среди них 8 баллад (преимущественно традиционные для наших областей — «Муж топил жену», «Два храбрые героя просились ночевать», «Ванька — ключник», «Скакал казак через долину» и т. п.), 1 историческая песня («Соловей кукушку уговаривал»), 1 духовный стих, 3 волшебных сказки (сюжеты — 402А***1, 480А* и контаминация отдельных мотивов сюжетов 550 и 551); 5 сказок о животных (275, 60, 161А*, 283В* и сюжет, близкий к 130), 11 сказок-небылиц (2044—5 вариантов; 2022В — 3 варианта; 2025 — 3 варианта) и две о дураках (1696 и сюжет, близкий к 1691), 37 докучных сказок (2300); 2 топонимических предания, легенда о цветении папоротника на Ивана Купалу, анекдот, рассказ о прошлом.

Записаны также 9 быличек о домовом, русалках, огненном шаре, ожившем мертвечке, колдунье. Обрядовой поэзии — 97 №№: посевания, колядка, 4 щедровки, 4 подблюдных и 2 масленичных песни, 3 веснянки, вербный приговор, пасхальная *рацейка*, 3 троицких песни, купальская, 10 гаданий. Зафиксированы также 5 примет, 10 описаний календарных праздников и обрядов, описание свадьбы, 4 свадебных ритуальных песни, 6 свадебных лирических, 5 величальных, 7 приговоров сватов и гостей, 1 свадебная причеть, 41 заговор.

Впервые записано большое количество (23) лечебных заговоров от одного исполнителя.

Необрядовая лирика представлена 133 №№: 24 любовных песни, 18 семейно-бытовых, 8 солдатских, 6 шуточных, 5 плясовых, 12 хороводно-игровых, 17 песен ли-

* Здесь и далее номера сюжетов даются по кн.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Составители: Барг Л. Г., Березовский И. П., Кабашиков К. П., Новиков Н. В. Л., 1979.

тературного происхождения, 39 жестоких романсов, 4 песни советской эпохи. Кроме того, записаны 33 песни самодельных авторов, 4 описания игр на вечерках, 1148 частушек, 1097 произведений малых жанров: 780 загадок, 238 скороговорок, 68 пословиц и поговорок, 9 прибауток, 2 присловья.

Тексты необрядовых лирических песен, в основном традиционные для Омской области («По улице мостовой», «Калина-малина», «За лесом солнце воссияло», «Уж вы ветры, мои ветерочки», «Хмель», «Посеяли девки лен», «Отец мой был природный пахарь», «Вянет, пропадает молодость моя»). Интересны редко встречающиеся у нас песни гражданской войны «Ой, война, ты такая жестокая» (два брата — враги), «Тихо горит, догорает» (гибель от ран матроса-краснобалтийца).

Особое внимание уделялось современному состоянию детского фольклора, собирание которого проходило по специальному вопросу. Всего записано 2426 №№: 89 колыбельных песен, 28 песен, 104 потешки, связанные с движением, 121 потешка-прибаутка, 79 потешек-небылиц, 11 потешек-нескладушек, 6 потешек-перевертышей; 188 закличек, 251 дразнилка, 117 поддевок, 27 примирилок, 49 молчанок, 362 считалки, 17 жеребьевок, 157 описаний детских игр, 256 предыгровых и игровых приговоров, 31 «хлопушка», 30 приговоров при играх с мячом и скакалкой, 16 приговоров при прыжках в воде, 36 хороводно-игровых песен, 27 внеигровых песен, 64 внеигровых приговора, 157 детских стихов, 63 бесконечных песни, стиха и диалога-прибаутки, 30 страшилок, 20 антистрашилок (пародий на страшилки), 90 детских анекдотов.

Собранные материалы позволяют говорить о том, что наибольшей популярностью среди детей по-прежнему пользуются отдельные жанры игрового фольклора (приговоры, считалки, игры) и сатирическая лирика (дразнилки и поддевки). Новые полевые материалы расширяют представление о жанровом составе детского игрового фольклора. И дают возможность выделить в качестве самостоятельных жанров приговоры, исполняемые во время игр с мячом, скакалкой и прыжков в воде, а также «хлопушки» (песни и стишки, сопровождаемые хлопками в ладоши). Среди внеигрового фольклора можно выделить рифмованные тексты, употребляемые в определенных, часто повторяющихся ситуациях в жизни детского коллектива. Наиболее распространены из них «отговорки» (ответы на дразнилки)

и приговоры, устанавливающие приоритет первого или второго высказывания («Первое слово дороже второго», «Второе словечко дороже сердечка»). Причем, если предыгровые и игровые приговоры бытуют в трех разновидностях в зависимости от целевого назначения, приговоры-утверждения, приговоры-условия и приговоры-побуждения, то среди внеигровых приговоров нам пока удалось обнаружить только приговоры-утверждения.

Все материалы, собранные студентами во время фольклорной практики, сданы в фольклорный архив кафедры литературы Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького.

Л. В. Новоселова

* * *

В августе 1986 г. автор заметки (аспирантка Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова) продолжила сбор полевого материала по теме: «Песенное многоголосие нагайбаков (татар-кряшен Южного Урала)». Записи музыкального фольклора нагайбаков проводились ежегодно с 1981 года по согласованию с Управлением культуры Челябинского облисполкома. Они включены в план мероприятий по подготовке и проведению 60-летнего юбилея образования Нагайбакского района.

Записи песен осуществлялись в селах: Париж (1981, 1983 гг.), Кассель (1982, 1986 гг.), Остроленка (1984 г.), Фершампенуаз (1986 г.). Сделаны они от исполнителей двух возрастных групп: 60—80 лет (Париж, Остроленка) и 40—60 лет (Кассель, Фершампенуаз). Цель экспедиции — фиксация песенного многоголосия различных жанровых, стилевых, временных пластов. Использованный в связи с этим метод многомикрофонной записи (от женских ансамблевых составов по 6—8 исполнителей) нагайбакского песенного фольклора был осуществлен впервые. Для выявления типов многоголосия наряду с традиционными нагайбакскими песнями были зафиксированы бытующие у нагайбаков общетатарские, а также русские казачьи песни. Всего от 32-х исполнителей сделано 98 магнитофонных записей (вместе с вариантами).

Музыкальная культура нагайбаков представляет значительный интерес как один из самобытных и глубоко своеобразных пластов татарского фольклора. Отдаленность нагайбаков от основной массы татар, отрыв от них в течение почти четырех веков, иной социальный статус, каза-

чий быт способствовали формированию специфических особенностей в их песенном наследии.

Основную часть традиционного репертуара нагайбаков составляют казачьи песни-проводы (*казак озату*) и лирические песни, тесно связанные с темой разлуки, расставания, встречи (*курешу жыр, саягыну жыр*).

Были зафиксированы также песенные жанры семейно-обрядового цикла: гостевые (*мэжлес, кюе*), свадебные (*туйкюе*), похоронные (*зыярат кюе*). Большую группу составили напевы неприуроченных песенных жанров: *баиты* (песни-сказания), *такмаки* (песни типа частушек), *озын кюй* (протяжные лирические песни). Поиски календарных напевов (хорошо сохранившихся в различных песенных стилях татар-кряшен Среднего Поволжья) не дали результатов. О существовании их в прошлом свидетельствуют данные этнографической литературы о нагайбаках, а также сообщения исполнительниц преклонного возраста.

В группе неприуроченных напевов наиболее отчетливо проявились многослойность музыкальной культуры нагайбаков, взаимосвязи их песенного творчества с инонациональным фольклором. Материалы экспедиций показывают значительную роль в активном репертуаре исполнительцев воз-

растной группы 40—60 лет трансформированных вариантов русских напевов. Особый интерес в музыкальном творчестве нагайбаков представляют общетатарские песни, которые в многоголосном нагайбакском распеве приобрели новую окраску, специфический колорит.

В октябре 1986 г. исполнилось 90 лет со дня выхода первой и единственной пока работы, специально посвященной музыкальному творчеству нагайбаков¹.

Повторные записи, произведенные вслед за С. Г. Рыбаковым после такого продолжительного перерыва, дают возможность углубленного изучения исторического развития песенной культуры нагайбаков, ее эволюции, а также являются необходимой основой для объективной оценки того вклада, который внес первый исследователь в изучение народной музыки татар-кряшен Южного Урала.

Материалы экспедиций (магнитофонные пленки, нотные расшифровки и фотографии исполнителей) поступят в фонды Нагайбакского историко-краеведческого музея и будут использованы в его работе по пропаганде и сохранению богатых местных песенных традиций.

Р. А. Имамеева

¹ *Рыбаков С. Г.* Русские влияния в музыкальном творчестве нагайбаков — крещенных татар Оренбургской губернии. СПб., 1897.